

Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки*

Владимир И. Красиков ^{a, @, ID}

^a Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Москва

@ KrasVladlv@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0002-8850-5550>

Поступила в редакцию 17.10.2020. Принята к печати 03.11.2020.

Аннотация: Научная актуальность исследования определяется отсутствием теоретического анализа новых форм неполитических радикальных идей в цифровом пространстве Рунета, чреватых потенциальным экстремизмом. Предметом выступают взгляды и деятельность гендерных радикальных интернет-сообществ. Цель – определение степени их социальной вредоносности. Методология исследования включала элементы эмпирического и теоретического анализа. На основе проработки современной теоретической литературы по нашей тематике разработан комплекс критериев для идентификации интернет-сообществ, которые можно отнести к группам ненависти. По составленному тезаурусу проведен интернет-поиск при помощи общей поисковой системы *Google* и специальной программы поиска в социальной сети ВКонтакте. Полученный массив эмпирической информации был упорядочен и концептуализирован, а выявленные группы ненависти (маскулисты и радфемки) сопоставлены по ранее выработанным критериям. Новизна заключается в критериальном и типологизирующем анализе ранее не исследованного системно фрагмента радикальной активности в Рунете. В итоге разработан категориально-критериальный аппарат для выявления радикальных неполитических интернет-сообществ, установлены адресования интернет-распространения маскулистов и радфемок, сопоставлены их общие и отличные признаки, определена социальная вредоносность. Материалы исследования могут заинтересовать как ученых-обществоведов в области права, политологии, социологии, социальной философии, так и государственных управленцев, специалистов по проблемам безопасности.

Ключевые слова: группы ненависти, новые интернет-субкультуры, социальная вредоносность, радикальные идеи, противостояние полов, речевая агрессия

Для цитирования: Красиков В. И. Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 235–244. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-235-244>

Введение

Содержание российского сегмента Интернета неоднократно рассматривалось с лингвистической, культурологической, социологической, политологической, философской и других точек зрения. Особенно дотошно исследовались его радикальные фрагменты, потенциально опасные с позиции общественной безопасности. Причем здесь налицо неравномерное распределение приоритетов. Львиная доля усилий уделена анализу ярко выраженных политических форм радикализма политико-религиозного толка (прежде всего, квазиисламского экстремизма), политико-националистического характера (шовинизм, сепаратизм и пр.), протестных движений системной и несистемной оппозиции.

Между тем в последние два десятилетия появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своем появлении и другими важнейшими аспектами человеческого существования, помимо политического, националистического или религиозного, к примеру, гендерным. Интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей роднят их с политическими формами радикализма. Отличает же – отсутствие

определяющей политической вовлеченности. Подобные сообщества и группы приобрели в последнее время большой и довольно негативный медийный резонанс, однако остаются вне поля внимания специального теоретического анализа, пребывая в основном в сфере публицистического дискурса. Это обуславливает научную актуальность и значимость предлагаемого исследования.

Как уже отмечено, существует большое количество работ, посвященных отслеживанию распространенности политического, националистического и религиозного экстремизма и терроризма в интернет-сообществах, анализу их общих особенностей [1–16]. Большая их часть сосредоточена на повторяющихся аспектах: нарушение информационной безопасности, корыстные преступления, совершенствование правовых инструментов борьбы с ними, медиа- и лингвистические особенности экстремистской политической пропаганды в Сети. Уже есть отдельные работы, описывающие в основном лингвистические, отчасти мировоззренческие, особенности гендерного радикального дискурса [17–21], однако отсутствуют аналитические исследования именно гендерных радикальных интернет-сообществ.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31650.

Цель исследования – анализ и сопоставление взглядов и деятельности гендерных радикальных интернет-сообществ, определение степени их социальной вредности. Реализация цели предполагает последовательное решение ряда задач. Сначала, полагаем, следует определиться с методологией исследования, включающей в себя выбор и обоснование ключевого концепта-критерия, с помощью которого можно очертить направления и границы поиска соответствующего эмпирического материала в Интернете. Это позволит получить большой массив информации, что станет стартом дальнейшего типологического анализа, задача которого – сопоставление гендерных групп по ряду общих мировоззренческих, социальных, организационных и лингвистических параметров. Его следствием явится реализация еще одной задачи: определение степени социальной вредности выявленных радикальных гендерных групп и обсуждение возможных путей купирования их идеологии и деятельности.

Методы и материалы

Решение задач потребует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования. К числу первых можно отнести категориально-критериальный анализ (разработка основного и дополнительного критериев отбора материала, составление тезауруса), критический дискурс-анализ (исследование изменений дискурса, выводы о модальностях коммуникативного поведения и преобладающих его темах – выявление паттернов активности групп), комплексно-процессуальный метод (исследование лингвистических особенностей субкультурных языков, их модификаций), метод сравнительно-психологического и типологического анализа. Методы эмпирического исследования, используемые здесь, – это сбор материала при помощи общих (*Google*) и специальных¹ поисковых программ, информационно-поискового тезауруса, анализ текстового материала и продуктов коммуникативной деятельности.

Определимся с базовым концептом исследования, являющимся критерием выявления гендерных интернет-сообществ радикального характера. Количество определенных понятия *ненависть* необъятно. Это вполне ожидаемо от попыток дефинирования столь базовой человеческой эмоции. Мы выбрали определение А. Ребера: это «глубокая, длительная, интенсивная эмоция, выражающая злость и враждебность к человеку, группе или объекту», она «характеризуется (а) желанием причинить вред или боль объекту эмоции, (б) чувствами удовольствия от неудач объекта»². Выбор обусловлен удачной и краткой атрибуцией основных качеств: интенсивность, длительность и захваченность людей этим чувством. Другие исследователи

либо указывают не все эти характеристики, важные в целокупности, а по отдельности³, либо включают в определение мало проясняющие метафоры (типа «крайний гнев, отвращение»⁴ и т. п.).

Понятие ненависти, впрочем, может быть использовано в каком-либо дискурсивном контексте (обыденном словоупотреблении, публицистике, этике, психологии, метафизике, литературе и пр.), равно как и являться аспектом личностных и групповых (в политике, экономике, религии и пр.) взаимоотношений. Ясно также, что на ненависти отчасти базируются и политически ориентированные группы традиционных форм экстремизма и терроризма, однако, как оказывается, ненависть имеет и вполне сильные неполитические мотивы, ориентиры.

Особенность нашего исследования состоит в поиске и анализе активности гендерных радикальных групп (интернет-сообществ), у которых именно ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием. Главный критерий, по которому мы их выделяем, – ненависть как основообразующее начало, стержень и смысл их существования. На первом плане у них интенсивное желание поражения противника в правах и самоутверждение посредством этого.

Исследование проводилось в виде ручного интернет-поиска по заранее составленным и уточняемым в ходе практики тезаурусам с использованием *Google* и специальных программ на базе социальных сетей (преимущественно *ВКонтакте*, отчасти *Одноклассники*, *Twitter*, *YouTube*). Группы ненависти, объединяющиеся на основе сильнейшей профильной эмоции против своих гендерных оппонентов, были выявлены по наличию в их названии слов-маркеров, соответствующих их лексике: *маскулизм*, *альфа*, *мужское движение* (*государство*, *путь*, *территория* и т. п.), *инцелы*, *феминизм*, *чайлдфри*, *женское движение* (*власть*, *революция* и т. п.), *сестринство* и др. В итоге были выявлены «кусты» подобных групп с особым указанием наиболее массовых из них, установлены особенности коммуникативной активности этих объединений.

Результаты

Отношения полов, как известно, амбивалентны. Части людей, особенно молодежи, нередко не удается найти удовлетворительные отношения с противоположным полом, и интернет-коммуникации создают невиданные ранее возможности для их объединения в особые сообщества с явно радикальными взглядами, которые часто могут переходить в соответствующее радикальное уже офлайн поведение.

С одной стороны, это интернет-сообщества, **выступающие в защиту мужчин**, против неравноправного

¹ Мониторинг соцсети *ВКонтакте*. Режим доступа: <https://vktoppost.ru/> (дата обращения: 16.10.2020).

² Ненависть (Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера) // Глубинная психология: учения и методики. Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/6-487-nenavist.htm> (дата обращения: 16.10.2020).

³ Байковский Ю. В., Самойлов Н. Г., Алёшичева А. В. Экстремальная психология: словарь терминов. М.: АГСПА, 2018. С. 84.

⁴ Военно-психологический словарь-справочник / под общ. ред. Ю. П. Зинченко. М.: ИД Куприянова / Общество психологов силовых структур, 2010. С. 166.

их положения в сравнении с женщинами и манипуляций со стороны последних. До интернет-формата они возникли в 60–70-х гг. XX в. на Западе в контексте реакции на победоносное шествие феминизма. С появлением Интернета они получили устойчивую прописку⁵, довольно быстро были воспроизведены и в Рунете. Судя по нашим данным, основная часть мужских сообществ радикальной направленности пребывает в социальной сети ВКонтакте, хотя надо иметь в виду, что, как правило, у каждого из них есть десятки двойников, а также филиалы в основных интернет-каналах (*Telegram, Facebook, YouTube, Twitter, Instagram*). Следует особо оговорить, что предметом нашего рассмотрения является только традиционалистская часть российских маскулистов (самая большая по численности среди других), которую и можно отнести к группам ненависти. Кроме них есть эгалитаристы и левые.

Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте были *мужской, маскулист, альфа, патриархат, инцел* и др. Еще в апреле 2020 г. явным лидером среди них был паблик Мужское государство (160 тыс. подписчиков)⁶ во главе с медийно известным Владиславом Поздняковым, получившим условный срок за разжигание ненависти. Сообщество блокировано Роскомнадзором, однако, похоже, его участники мигрировали в другие открытые группы с теми же идеями. За несколько последних месяцев (апрель – август 2020 г.) они существенно приросли составом: 1337 const (рост со 113 тыс. до 126 тыс. подписчиков)⁷; «куст» объединений под лейблом Альфа (имеется в виду альфа-самец; рост с 45 до 70 тыс. подписчиков и 22 тыс. подписчиков соответственно)⁸; Тыжемужик. Не мужил – не служик (рост с 60 до 62 тыс. подписчиков)⁹; Мужское Движение (36 тыс. подписчиков в июле)¹⁰; Национал-патриархат (33 тыс. подписчиков в апреле, в июле заблокирован)¹¹; Консервативный Путь (22 тыс. подписчиков в июле)¹²; Противоядие / Мужское счастье (10,5 тыс. подписчиков)¹³; Канал белых патриархальных угнетателей (20 тыс. подписчиков в июле)¹⁴; YouTube-канал Руслан Галяев. Мужское движение (30 тыс. подписчиков в августе)¹⁵. Более мелкие по составу – Территория свободных мужчин, Эгалитарное мужское движение, Маскулист, Разумный Маскулизм и т. п. У многих из них есть свои структуры,

многочисленные региональные отделения. Их отношение к власти – оппозиционное, однако главный враг – реальный матриархат в стране.

Несколько комично выглядит ответвление мужского движения – инцелы (англ. *involuntarily celibate* – недобровольно воздерживающиеся от секса). Сегодня это комьюнити гетеросексуальных молодых мужчин, считающих, что в том, что у них нет секса, виноваты женщины и нужны чуть ли не административные меры для восстановления справедливости. В России, правда, оно не столь популярно: не в нашей традиции апеллировать к властям и общественности по поводу личных сексуальных неудач. В социальной сети ВКонтакте представлено 13 сообществ, насчитывающих от 21 до 1614 подписчиков. Наиболее отчаявшиеся назвали себя симптоматично – Злые инцелы¹⁶. Маскулисты относятся к инцелам снисходительно, как к мальчикам, у которых «не получается»: наставляют и успокаивают. Общий тон содержания их контента: проклятые феминистки, завышенные стандарты женщин в отношении мужчин, ущемляемые права мужчин (прежде всего, право отцовства) и их страдания.

С другой стороны, противостоят маскулистам, инцелам и другим «тыжемужикам» не менее решительные представители противоположного пола – **радикальные феминистки (радфемки)**. От вполне почтенных суфражисток и либеральных феминисток их отличают именно радикальные, если не сказать экстремистские, взгляды. Удивительно, что на подобный экстремизм как мужского, так и женского толка практически не обращают исследовательское внимание современные гуманитарии. Это как бы слепое пятно восприятия.

Медийная активность радикальных феминисток, вызывающая общественный резонанс и интерес молодежи, на порядок выше, чем у их оппонентов, и столь же, если не более, агрессивна: виртуальное появление в их группе в социальной сети пользователя с мужским ником (в данном случае исследователя) вызывает немедленный ответ модератора, матерно предлагающей убираться восвояси как можно скорее.

Они имеют интернет-сайт¹⁷, российский филиал международного, с большими информационными ресурсами и обширным сопровождающим тезаурусом ключевых

⁵ A Voice for Men. Режим доступа: <https://avoicemen.com/> (дата обращения: 16.10.2020).

⁶ Мужское государство // ВКонтакте. Режим доступа: <https://m.vk.com/patriarchat> (дата обращения: 16.10.2020).

⁷ 1337 const // ВКонтакте. Режим доступа: https://m.vk.com/godnota_txt (дата обращения: 16.10.2020).

⁸ Alpha. Настоящий мужчина // ВКонтакте. Режим доступа: <https://m.vk.com/truealfa> (дата обращения: 16.10.2020); ALPHA MEMES // ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/mansmemes> (дата обращения: 16.10.2020).

⁹ Тыжемужик. Не мужил – не служик // ВКонтакте. Режим доступа: https://m.vk.com/kokoko_man_must (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁰ Мужское Движение // ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/mensrights> (дата обращения: 16.10.2020).

¹¹ Национал-патриархат // ВКонтакте. Режим доступа: <https://m.vk.com/natiopat> (дата обращения: 16.10.2020).

¹² Консервативный Путь // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/mans_way2018 (дата обращения: 16.10.2020).

¹³ Противоядие / Мужское счастье // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/antidote_for_man (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁴ Канал белых патриархальных угнетателей // Telegram. Режим доступа: <https://t.me/tg1337const> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁵ Руслан Галяев. Мужское движение // YouTube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/user/RuslanGalyaevMusic> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁶ Злые инцелы // ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/public170112366> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁷ Womenation.org. Режим доступа: <http://womenation.org/> (дата обращения: 16.10.2020).

терминов-паттернов с соответствующими идеологическими разъяснениями (Путь Лисистраты – радикально-феминистский сайт¹⁸). Подобный академизм не ведет к ожидаемому рациональности и рассудительности. Ненавистью к «насилщикам» буквально пропитаны их интернет-страницы. Основной площадкой групп радикальных феминисток, как и остальных групп ненависти, все же является социальная сеть ВКонтакте, которая по своей организации в наибольшей степени предоставляет возможности свободного онлайн-общения и консолидации. Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте были *феминизм*, *чайлдфри*, *сестринство*, *женская* и др.

Наиболее крупная найденная нами группа глубоко разочарованных в браке женщин – #Щастьебытьженой (29 тыс. подписчиц)¹⁹. По запросу *чайлдфри* (жизнь без детей – это радость) выявлено 20 групп от 17 тыс. подписчиц²⁰, по слову *феминизм* – 29 пабликов от 4 тыс. подписчиц²¹. Есть также Telegram-канал Женская власть (31 тыс. подписчиц)²². Контент подобных групп сводим к ненависти, выраженной в крайне обесцененной лексике, к *мужлишкам*, *рептилоидам*, *плодячкам* и распирающей гордости за свою уникальную идентичность.

Анализ контента сообществ маскулистов и радфемок позволил выявить необходимый материал для их паспортирования и последующего сопоставления – выявления общего и различного в социокультурных признаках, последующей рефлексии. Изначальное выявление этих групп проходило по критерию ненависти как системообразующему началу (смыслу объединения) и основному идентификационному отличию. Сравнение целесообразно начать с анализа различий в объектах ненависти (которые, напомним, всегда субъектны, это другие люди), целей и средств деятельности в их отношении.

Далее, имея дело со сформировавшимися в целом субкультурами, уместно применить для их анализа структурно-семиотический метод, исходящий из допущения о структурном сходстве языка и культуры, связи означаемого с означающим. Означающее – это чувственно воспринимаемое в субкультурах: сленг, символика, нормы поведения. Означаемое, представленное в означающем, – ментальные конструкции: концепты, идеи, мифологемы [22]. В реальном поиске мы выявляем вначале означающее, затем на основании анализа выявляем смыслы означаемого. Однако при представлении итогов поиска и анализа в теоретическом виде мы идем обратным путем: от смыслов к чувственной представленности. Думаем, это уместно для концептуальной целостности подачи материала воспринимающему: от сущности к явлению, а не наоборот.

Таким образом, после сравнения ключевых объектов ненависти мы сопоставим их ключевые ценности (смыслы), цели

(задачи), лингвистические особенности дискурса, символику, степень выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой, лидеров и культовых персонажей.

Хотя объединения, являющиеся предметом нашего анализа, и называются группами ненависти и это чувство является действительно профильным для них (табл. 1), все же есть и другие категории людей, с которыми эти группы каким-то образом выстраивают свои отношения (неприятнь меньшей интенсивности: презрение, недоверие, непонимание), а с некоторыми могут иметь и некие связи приятности. Ясно также, что мы стараемся описать именно эмоционально насыщенные (ненавистью, неприятностью или приятностью) отношения, так сказать, их задействованной смысловой «Вселенной». Многие категории людей находятся попросту вне этих отношений, в зоне равнодушия и индифферентности, равно как и для многих сами эти группы – из области неизвестного.

Как видно из сопоставления распределения внимания исследуемых групп, объекты их ненависти имеют конкретные социальные адреса и устойчивые идентификации. Причины ненависти ожидаемы и понятны. Это всегда фрустрации и обиды. Независимо от того, насколько они реальны, от кого они происходят и насколько они социально необходимы, они повсеместно присутствуют в нашей жизни.

Группы ненависти так и названы в силу того, что ненависть к конкретным социальным адресатам определяет сам смысл существования этих объединений, когда людям интересна именно сильная нелюбовь к какой-то категории, группе («дружим против того-то и того-то»). Подобный объединительный импульс предопределяет и общие ценности, и структуры соответствующей активности (табл. 2). Сюда органично примыкают источники рекрутирования в группы ненависти. Они далеко не случайны: сюда приходят и остаются вполне определенные люди.

Анализ-сопоставление ключевых ценностей исследуемых сообществ приводит к довольно неожиданному выводу: они разделяют эмансипационный порыв, но весьма специфического свойства. Это свобода от ряда обязательств, накладываемых обществом, некоторых традиций, перекраивание в свою пользу соотношения разрешений и запретов. Именно подобной новой свободой они и привлекательны для молодого поколения, являющегося их основным «электоратом». Они стремятся освободиться от тирании противоположного пола, а в действительности – установить свой новый контроль.

Ценности сообществ трансформируются во вполне ожидаемые цели, задачи и средства, иначе бы терялся сам смысл объединения людей в сообщества. И здесь очень важно разобраться в том, к чему реально стремятся эти группы и как это подается. Реальные цели довольно-таки очевидны

¹⁸ Путь Лисистраты. Режим доступа: <http://leonatus.ucoz.ru/> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁹ #щастьебытьженой // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/prelesti_braka (дата обращения: 16.10.2020).

²⁰ Чайлдфри // ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/public37299503> (дата обращения: 16.10.2020).

²¹ Proud of Being a Womyn // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/proud_of_being_a_womyn (дата обращения: 16.10.2020).

²² Женская власть // Telegram. Режим доступа: https://tgrm.su/channels/blogs/vlast_zh (дата обращения: 16.10.2020).

Табл. 1. Объекты ненависти гендерных сообществ

Tab. 1. Objects of hatred in gender communities

Группа	Объекты ненависти	Причины ненависти	Неприятные категории	Приятные категории
Маскулисты	феминистки и женщины, «пораженные высокомерием, потребительским и злобным отношением к мужчинам», ЛГБТ-сообщество	переоценка маскулинности, триумф феминизма, дискредитация образа мужчины и отца посредством СМИ, социальных стереотипов, культуры и искусства	«алени» или «баборабы» – мужчины, подчиняющиеся женщинам; политическая элита страны, насаждающая матриархат; леворадикалы, афроамериканцы	русские националисты («Русские марши»), правые движения, национал-радикалы
Радфемки	мужчины-сексисты, сообщества «в защиту мужчин», правые радикалы	физическое, психологическое и сексуальное насилие над женщинами, выученная беспомощность и виктимизация женщин	остальные мужчины, замужние женщины («детные»), воспринимаемые как привилегированные пособники патриархата	либеральный феминизм, левые интеллектуалы

Табл. 2. Ключевые ценности гендерных сообществ

Tab. 2. Key values of gender communities

Группа	Ключевые ценности	Контекст происхождения ценностей	Паттерны активности
Маскулисты	возвращение к патриархальному строю, национализм (запрет на межрасовые браки). В отношении с женщинами лучше не вступать, если вступать, то для того чтобы лишь «попользоваться», и тем более не жениться	молодые лица мужского пола (≈14–30 лет), переживающие сексуальные фрустрации, склонные к девициям из-за трудной жизненной ситуации. Коммуникации с противоположным полом разрушены или носят фрагментарный характер	пропаганда идеалов движения, коллективные набеги в комментарии к постам феминисток в соцсетях, «проверки» на честность женщин в Рунете, сходки (офлайн) местных групп: игра в футбол, обучение стрельбе и дракам
Радфемки	ненависть к «патриархату» (системе мужского господства и насилия) и социальному Стокгольмскому синдрому женщин, сепарация и женская группальность, формирование особого классового (само) сознания женщин, неприятие секс-позитивности ²³	фрустрированные неудачами брака и отношений с мужчинами молодые женщины (≈16–30 лет), изверившиеся в противоположном поле; идейные женщины более старших возрастов	отказ от общения с мужчинами в радикально-феминистских группах. Сестринство – союзничество между женщинами. Упреждающее насилие (изучение боевых искусств)

и связаны все с тем же профилирующим чувством ненависти к определенным группам. Это всегда месть обидчикам (коварным женщинам либо мужчинам-сексистам) и их презрение. Все это, однако, непременно маскируется благовидными прикрытиями: «борьба с реальным матриархатом в стране», «политическая организация для разрушения системы половых классов: освобождение женщин». Вместе с тем надо отдавать себе отчет, что для известной настроенной идеалистически части людей это не благовидное прикрытие, а жизнеобразующие цели.

Неотъемлемым признаком любой новой субкультуры является создание словаря специфических понятий, которые востребованы для создания своей особой картины мира (тезаурус), представляющей в серии повторяющихся «классических» рассказов, типичных повествований (нарративов). В понятиях предстает значимое окружающее с определенного угла зрения, профильного для данной субкультуры, а нарративы сюжетно раскрывают понятия, складываясь, как паззлы, в некое характерное мировоззрение (табл. 4).

Для этих субкультур характерна ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение речевых средств. В тезаурусе преобладают оскорбительные характеристики, прежде всего, своих врагов (*принцездалки, фемло, мужло*). Нарративы созданы как для запечатления своей неординарности и монументальности, так и обуздания врага. Среди них почетное место занимают именно насильственное обуздание ненавистника: сексуальное хищничество, контроль над сексуальностью и шоковые техники.

Вполне естественно возникновение символического ряда, сопровождающего появление каждой новой субкультуры во всевозможной гамме ее самовыражения. Сюда включается и чистая символика, т. е. абстрактные стилизованные изображения или обозначения; повседневная атрибутика, или сопутствующие характерные одежда, обувь, стрижка, и атрибутика, специфичная именно для современной медийной (интернет-)культуры, – особое визуально-звуковое сопровождение.

²³ Радфем-парадигма // Womenation.org. Режим доступа: <http://womeration.org/radfem-paradigm/> (дата обращения: 16.10.2020).

Сопоставление символики исследуемых субкультур приводит к любопытным выводам. Бросаются в глаза явно общие черты этих субкультур: агрессивность (сжатые кулаки), близкие цвета и стили, обилие пафоса, тяготение к воинственности (милитари) и насилию в визуальных образах.

Степень выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой весьма важна при анализе степени развитости субкультуры, которая оформляется рано или поздно при достаточно длительном существовании групп, объединенных единым профильным интересом,

Табл. 3. Цели гендерных сообществ

Tab. 3. Goals of gender communities

Группа	Цель	Задачи	Средства достижения
Маскулисты	отношения с женщиной без обязательств, на своих условиях. Создание систем по контролю женщины	борьба за женскую нравственность, против женской продажной любви и женских измен	распространение идей в Рунете (просвещение), интернет-активность в противостоянии неприязненным группам. На повестке дня вступление в политику: борьба против «ажеизнасилований», алиментной системы, создание политической партии
Радфемки	дискредитация, выражение всяческого презрения мужчинам-сексистам	предельно возможная автономизация от мужчин, борьба против порнографии и секс-индустрии, контроль над своей репродуктивной функцией и собственным телом	обличение андроцентризма в экономической, общественной и символической системах, деконструкция патриархального языка, создание женских сепарированных пространств (группы роста самосознания, пересоциализация), целибат (не замужество), политический активизм, контркультурная революция

Табл. 4. Лингвистические особенности дискурса

Tab. 4. Linguistic features of discourse

Группа	Особенность	Тезаурус	Основные нарративы
Маскулисты	стремление к демонстрации «крутизны» (брутальность, насилие) и показательной рассудочности, широкое использование ненормативной лексики, обилие неологизмов	<i>real man</i> , маносфера, альфа-мужчины, камрады, ОЖП (особы женского пола), СДС (с**и – дуры – стервы), РСП (разведенка с прицепом), Наташки, Ваньки, баборабы, фемло, петушня, гиноцентризм, принцеждалки	Господство вагины и ЛГБТ. Горестная жизнь подкаблучников («аленей»). Загнивание Запада, падение мультикультурализма. Возрождение русского духа. Расистские сюжеты об ущербности небелых рас. Проектирование «идеальной женщины»: честна, услужлива, порядочна, покорна и верна. Сексуальный хищник, получает секс от кого хочет
Радфемки	чрезмерная эмоциональная возбудимость, скандальность и вербальная активность, показное и избыточное использование ненормативной лексики, обилие неологизмов	мужло, чайлдфри, неопатриархат, научение беспомощности, менсплейнинг, сестринство, внутренняя мизогиния, пересоциализация, мизандрия, патриархальная андроцентричная Рашка	Борьба с мужчинами как половым классом. Создание групп роста самосознания. Разоблачение культуры изнасилования и сутенерского лобби. Контроль над внешностью, сексуальностью и репродуктивностью. Любовь – инструмент подчинения женщин

Табл. 5. Символика гендерных сообществ

Tab. 5. Symbols of gender communities

Группа	Символ	Атрибутика	Популярные визуальные образы	Музыка
Маскулисты	сжатый кулак, заключенный в щит, копые Марса (♂)	пурпурный цвет, стиль милитари: короткие стрижки, соответствующие одежда и обувь	«Матрица», красная таблетка, полуголые культуристы и киномацо, внедорожники, неприглядность сексуальных меньшинств, гримасы леволиберальной политкорректности, воинственность, мужественность	металл, рэп, индастриал, но обязательно в стиле мужественности, воинственности и пафоса
Радфемки	сжатый кулак, заключенный в зеркало Венеры	лиловый, мода на мужские вещи, свободные объемы, херитедж и стрит-фэшн, на стиль Фиби Файло и Стеллы Маккартни	горестная история многовекового угнетения женщин, постепенное пробуждение женского самосознания, всеобъемлющие иезуитские системы контроля над женщинами со стороны неопатриархата, сепарация и новые формы жизни женщин: контроль над собственным телом (самооборона) и сознанием	тексты песен с соответствующим содержанием (свободная женщина) от поп-музыки до «панк рок феминизма»

в особенности если он достаточно акцентирован, как в случае с нашими группами. Анализ этой характеристики показывает, насколько далеко зашел процесс самоотделения и самоотличения: как от бэкграунда самого общего плана (корневых традиций отечественной культуры), так и от современного культурного контекста. Оформление собственных традиций и проведение акций показывает, насколько далеко группы продвинулись на пути «субкультурного строительства» в складывании уже своих характерных культурных форм.

С точки зрения отношения к общезначимым традициям маскулистами приветствуется «естественное» разделение функций, жизненных стилей мужчин и женщин, женское целомудрие. Представители течения отмечают, что сегодня в обществе установился матриархат: активно навязывается демонизация мужчин и идеализация женщин. Среди громких акций можно назвать преследование россиянок, вступавших в личные отношения с иностранцами на Чемпионате мира по футболу летом 2018 г.

Сторонники радикального феминизма отвергают т. н. общепринятые традиционные ценности как патриархальные и дискриминирующие женщин, признают лишь свои традиции, начиная с эпохи Просвещения: либеральный, марксистский, социалистический феминизм, суфражизм, квир-феминизм, политическое лесбийство. Критически относятся даже к либеральным ценностям (свобода, выбор) как дезориентирующим аутентичные женские группы и прикрывающим культуру изнасилования и сутенерское лобби. Себя позиционируют как идейного преемника американ-

ского радикального феминизма 60–70-х гг. XX в. Наиболее обсуждаемыми являются такие события, как учреждение интернет-премии «Сексист года», несанкционированные уличные акции протеста (*Accion positive*, КД-16), «панк-молебен» *Pussy Riot*²⁴, «дело Слуцкого»²⁵, лоббирование «закона о профилактике домашнего насилия».

Как можно видеть из сопоставления отношения групп к традициям и общезначимой ценностной сфере, а также их притязаний на собственное культурное оформление, они имеют достаточно выраженный контркультурный характер.

Завершающая рубрикация позволяет в некоторой степени персонализировать в общем то абстрактные для привычного чувственно-личностного восприятия, пребывающие в электронном пространстве и в мерцании мониторов компьютеров «сущности» данных рунет-сообществ. Естественно, следует отдавать себе отчет в условности приписывания качеств «лидерства» и «культовости» тем или иным личностям – для многих участников групп они могут и не быть вполне таковыми. Однако в целом на основе массивов информации об этих группах можно выставить их в качестве достаточно характерных ориентиров.

Итак, по итогам проведенного исследования получены следующие результаты:

1. На основе анализа контента социальных сетей и интернет-аккаунтов при помощи разработанного тезауруса выявлены интернет-сообщества с характерной риторикой ненависти: маскулисты (традиционалисты) и радфемки (радикальные феминистки).

Табл. 6. Персонализация: лидеры и культовые персонажи

Tab. 6. Personalization: leaders and cult characters

Группа	Лидеры	Культовые персонажи	Персонализированные враги
Маскулисты	Владислав Поздняков ²⁶ , Олег Новоселов ²⁷ , Александр Бирюков ²⁸	Дональд Трамп, инцелы Эллиот Роджер и Алек Минассиан ²⁹	лидеры отечественных феминисток
Радфемки	Ольгерта Харитоновна ³⁰ , Александра Митрошина и Ника Водвуд (2,8 млн и 158 тыс. подписчиков в Instagram)	Валери Соланас ³¹ , Андреа Дворкин, Кейт Миллет, Суламифь Файерстоун, Эдриенн Рич, Моника Виттиг	лидеры отечественных маскулистов, Дональд Трамп, ультраправые публицисты Роджер Делвин, Эндрю Энглин, Грег Джонсон, Лана Локтев ³² , секс-турист Дарьюш Вализаде, больше известный как Roosh V. Руш

²⁴ Политкорректный перевод – «Бунт Вагин». В феврале 2012 г. несколько девиц выпяльсывали в православных храмах, сделали ролик и выложили на *YouTube*.

²⁵ В 2018 г. группа либеральных журналисток обвинила председателя комитета Думы по международным делам Леонида Слуцкого в сексуальных домогательствах.

²⁶ Создатель крупнейшего сообщества Мужское государство в ВКонтакте (свыше 150 тыс. подписчиков, запрещено Роскомнадзором), в декабре 2018 г. приговорен к двум годам лишения свободы условно по ст. 282 УК РФ за возбуждение ненависти к женщинам.

²⁷ Автор резонансных книг «Прикладная этология человека», «Женщина. Учебник для мужчин» и др.

²⁸ Создатель паблика Мужское просвещение (около 20 тыс. подписчиков), автор десятка книг, блогер.

²⁹ Первый в 2014 г. убил 6 человек. Перед самоубийством выложил на *YouTube* рассказ о своих взглядах: о ненависти к женщинам за то, что к 22 годам остался девственником и даже ни разу не целовался. Вторым вдохновлялся его примером, наехал на минивэне на пешеходов – 9 человек погибли и 14 были ранены; жертвы – преимущественно женщины.

³⁰ Писательница, автор многих книг, в том числе «Манифеста Феминистского движения России».

³¹ Авторка «SCUM Manifesto», стреляла в Энди Уорхола (1968).

³² Женщины в роли врага: пересечение ультраправой идеологии и антиженского насилия. Отчет Анти-Диффамационной Лиги. США, 2018. 5 с.

2. Установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации подобных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети ВКонтакте.

3. Составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик, ставшие основой для последующего сопоставительного анализа.

Заключение

Подтверждена исходная гипотеза о том, что имеется ряд сходных интернет-объединений, отличных от других объединений вызывающе опасным для социума признаком. Это ненависть определенной группы людей к другим по одному общему основанию. В группы ненависти объединяются люди, полагающие себя униженными и обиженными некими общими «другими». И хотя опыт унижения и обид отдельных людей конкретен, он экстраполируется на всю категорию обидчиков. Неудачи и унижения в индивидуальном опыте общения с конкретными женщинами и мужчинами становятся вмененной атрибутикой всей противопоставляемой категории, а именно «плохих» (практически всех) женщин и мужчин. Так формируются и объект ненависти, и прочное объединительное начало существования этих групп.

Другой признак – это попытка перекрыть традиционно установившееся соотношение разрешений и запретов, утвердив тем самым свою новую свободу. Радикальные гендерные группы стремятся освободиться от тирании противоположного пола, а в действительности – установить свой новый контроль.

Следующий общий признак – «двойная бухгалтерия» целей и средств: одни для презентации, другие для внутреннего негласного взаимопонимания и эмоционального

единения. Подобная бухгалтерия нужна для нормализации своей субкультуры, придания ей респектабельности, а себе – чувства неординарности, особой значимости и роли в обществе, истории, повседневной жизни для упреждения обвинений в экстремизме и ненависти.

Общей является и ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение лингвистических средств: преобладание в тезаурусе оскорбительных характеристик, в нарративах – сюжетов собственной исключительности и обуздания врага. Другие явно общие черты в символике: агрессивность, тяготение к воинственности и насилию в визуальных образах. Отличия – в степени развитости символики, зависимой от степени присутствия групп офлайн.

Наконец, на основе сопоставления можно умозаключить, что они определено уже стали субкультурами, имеют устойчивую демографическую базу своего воспроизводства: молодых мужчин и женщин, часть которых неизбежно получают свой фрустрационный опыт в общении с противоположным полом. А поскольку поколения постоянно обновляются (на подходе всегда все новые и новые), их база постоянна, что обеспечивает устойчивость воспроизводства. Следует ожидать интенсификацию процессов их субкультурного строительства. Полагаем, что их следует признать социально-вредоносными группами, уже причиняющими серьезный социальный вред существенным нарушением эмоционального, психического самочувствия больших групп людей. Необходимо разработать мировоззренческо-идеологические превентивные меры просвещенческого характера и ограничивающие их интернет- и офлайн-активность правовые регламентации.

Литература

1. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. 2019. Т. 27. № 3. С. 572–587. DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587
2. Никитина Т. А., Терентьева И. А. Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 3. С. 100–106. DOI: 10.22394/1682-2358-2019-3-100-106
3. Бутенко А. С. Экстремизм в сети Интернет: понятие и сущность // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2. С. 57–61.
4. Пашенко И. В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 2. С. 12–24. DOI: 10.23683/2658-5820.2018.2.1
5. Буткевич С. А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1. С. 17–22.
6. Нерубенко А. С., Елисеева Е. С. Экстремизм как социально-правовое явление: распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 41–44.
7. Болдырев Е. В., Гонтаренко Н. Н. Молодежный экстремизм в социальных сетях: анализ основных трендов и мер противодействия // Обзор. НЦПТИ. 2020. № 2. С. 37–46.
8. Мuryкина Е. В. Медиаобразовательный анализ террористических сайтов для молодежи // Медиаобразование. 2017. № 1. С. 198–212.
9. Рудик М. В., Волков Д. В. Социальные сети как средство распространения экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2. С. 32–35.
10. Ключко Е. И. Социально-интегративные аспекты дискурсивных практик националистических интернет-сообществ // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 2. С. 69–73. DOI: 10.14529/ssh160211
11. Стышинский М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5. С. 158–164.

12. Быкадорова А. С., Чурилов С. А., Шаповалова Е. В. Экстремизация молодежной аудитории сети Интернет // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 181–184.
13. Ушкин С. Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 127–133.
14. Антонова Ю. А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 71–80.
15. Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. С. 71–80.
16. Кузьмин А. Г. «Правый» Интернет в России: специфика развития и проблемы противодействия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2008. Т. 4. № 3. С. 75–96.
17. Клименко Н. С. «Чайлдфри» и «яжемать» как биполярные категории современной фемининности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 40. С. 59–62.
18. Солошенко П. В. Феминизм на YouTube // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 6. С. 231–237.
19. Жайворонок Д. В. Тревожность, перевод и мечта об общем языке: зачем феминистки обсуждают коммерческий секс // Социология власти. 2018. Т. 30. № 1. С. 33–59.
20. Пятилетова Л. В. Гендерная идентичность против социального хаоса: российский антифеминизм как массовый женский проект // Концепт. 2017. № 8. С. 96–103. DOI: 10.24422/MSITO.2017.8.6968
21. Якоба И. А. Гендер в интернет-коммуникации: динамика развития // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 1. С. 303–309.
22. Малахова Е. В. Методологические подходы и принципы исследования современной молодежной субкультуры // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 1. С. 129–132.

original article

Gender Hatred in RuNet: Masculists and Radical Feminists*

Vladimir I. Krasikov^{a, @, ID}

^a All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Russia, Moscow

@ KrasVladIv@gmail.com

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8850-5550>

Received 17.10.2020. Accepted 03.11.2020.

Abstract: Numerous non-political radical ideas that appeared in the digital space of the RuNet require a thorough theoretical analysis as potentially extremist. The present research featured views and activities of radical gender Internet communities. The research objective was to assess their potential threat to society. The study was based on both empirical and theoretical analyses. The author developed a set of criteria that made it possible to refer some Internet communities to "hate groups." He used a specially compiled thesaurus in search engines and social media search programs. The empirical information was structured and conceptualized. The novelty of the research lies in the criterial and typologizing analysis of a previously unexplored fragment of radical activity on the RuNet. The article introduces a set of categories and criteria for identifying radical non-political Internet communities. The author established the addresses of the Internet distribution of masculists and radical feminists, compared them, and assessed their potential threat to society. The results may be of interest to social scientists and government officials, as well as to specialists in security issues.

Key words: hate groups, new Internet subcultures, social threat, radical ideas, gender opposition, speech aggression

For citation: Krasikov V. I. Gender Hatred in RuNet: Masculists and Radical Feminists. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 235–244. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-235-244>

References

1. Bareev M. Yu., Kachurina I. O. YouTube as a factor in shaping the protest potential of young people. *Regionologiya*, 2019, 27(3): 572–587. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587
2. Nikitina T. A., Terentyeva I. A. Countering the spread of extremist ideology in the information space. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia*, 2019, 19(3): 100–106. (In Russ.) DOI: 10.22394/1682-2358-2019-3-100-106

* Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31650.

3. Butenko A. S. Extremism on the Internet: the concept and the essence. *Yurist-Pravoved*, 2019, (2): 57–61. (In Russ.)
4. Pashchenko I. V. The ideology of terrorist communities on the Internet: the dissemination technologies and the specificity of countering. *Caucasian Science Bridge*, 2018, 1(2): 12–24. (In Russ.) DOI: 10.23683/2658-5820.2018.2.1
5. Butkevich S. A. Extremism and terrorism in cyberspace: detection, neutralization and prevention. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, (1): 17–22. (In Russ.)
6. Nerubenko A. S., Eliseeva E. S. Extremism as a social and legal phenomenon: dissemination of extremist materials on the Internet. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, (1): 41–44. (In Russ.)
7. Boldyrev E. V., Gontarenko N. N. Youth extremism on social media: an analysis of the main trends and countermeasures. *Obzor. NTsPTI*, 2020, (2): 37–46. (In Russ.)
8. Muryukina E. V. Media education analysis of terrorist sites for youth. *Media Education*, 2017, (1): 198–212. (In Russ.)
9. Rudik M. V., Volkov D. V. Social networks as a means of spreading extremism. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, (2): 32–35. (In Russ.)
10. Klyuchko E. I. Social integrative aspects of discursive practices of nationalist online communities. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Social'no-gumanitarnye nauki"*, 2016, 16(2): 69–73. (In Russ.) DOI: 10.14529/ssh160211
11. Styszynski M. Jihadist propaganda in the Internet and social media. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, (5): 158–164. (In Russ.)
12. Bykadorova A. S., Churilov S. A., Shapovalova E. V. The extremization of youngsters in the Internet. *Kazan Pedagogical Journal*, 2016, (3): 181–184. (In Russ.)
13. Ushkin S. G. User comments to protest actions in the Russian-language segment of YouTube. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2014, (6): 127–133. (In Russ.)
14. Antonova Yu. A. Virtual community in social network as a way of distribution extremist ideology among young people. *Politicheskaya lingvistika*, 2012, (4): 71–80. (In Russ.)
15. Salimovsky V. A., Ermakova L. M. Extremist discourse in Runet communication. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2011, (3): 71–80. (In Russ.)
16. Kuzmin A. G. "The right" Internet in Russia: specificity of development and counteraction problems. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2008, 4(3): 75–96. (In Russ.)
17. Klimenko N. S. "Childfree" and "Yazhemat" as bipolar categories of modern femininity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2017, (40): 59–62. (In Russ.)
18. Soloshenko P. V. Feminism on YouTube. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*, 2018, (6): 231–237. (In Russ.)
19. Zhaivoronok D. V. Anxiety, translation and the dream of a common language: on feminists' discussion of commercial sex. *Sociology of Power*, 2018, 30(1): 33–59. (In Russ.)
20. Patiletova L. V. Gender identity against social chaos: Russian antifeminism as a mass female project. *Koncept*, 2017, (8): 96–103. (In Russ.) DOI: 10.24422/MCITO.2017.8.6968
21. Yakoba I. A. Gender in internet-communications: development dynamics. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta*, 2013, (1): 303–309. (In Russ.)
22. Malakhova E. V. Methodological approaches and principles of contemporary youth subculture study. *Izvestiia MGTU "MAMI"*, 2014, 5(1): 129–132. (In Russ.)